

МЯГКАЯ СИЛА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

МЯГКАЯ СИЛА В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ЧАСТЬ I. РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ Материалы «Круглого стола» сотрудников Российского университета дружбы народов

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая. 10а, Москва, Россия, 117198

5 июня 2012 г. на факультете гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов был проведен «круглый стол»: «Мягкая сила в глобальной политике: региональное и функциональное измерение».

Ключевые слова: мягкая сила, soft power, умная сила, мягкое влияние, геополитический проект, гармоничное возвышение, Барселонский процесс, неоосманизм, пантюркизм.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Д.Б. Казаринова

Во внешнеполитических процессах изменения, связанные с ростом глобальной взаимозависимости и трансформациями внутри национальных государств, сказываются в первую очередь в смещении акцентов: все более заметен переход от использования традиционной силы как совокупности военно-политической и экономической мощи для достижения политического интереса к силе мягкой. «Мягкая сила» подразумевает способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, она призвана привлечь потенциального противника на свою сторону или нейтрализовать его мирными средствами. В основе «мягкой силы» лежат такие социокультурные доминанты, как культура, ценности, идеи, символы, мифы.

Идея распространения политического и социокультурного влияния на окружающий мир посредством «мягкой силы» не является изобретением Дж. Ная, впервые проартикулировавшего этот феномен. Исторически самым большим успехом применения «мягкой силы» была победа США в «холодной войне». Однако сам термин «soft power» как категория политической науки и науки о международных отношениях появился сравнительно недавно, в начале 90-х гг. прошлого века

в книге Дж. Ная «Bound to Lead: The Changing Nature of American». Позднее в своих работах, в частности, в книге «Мягкая сила. Средства достичь успеха в мировой политике» (2004), Дж. Най идет дальше, развивая идею soft power. Способность оказания влияния с целью достижения собственных интересов зависит во многом от обладания теми или иными ресурсами осуществления власти, возможностями, навыками и условиями их применения. Представляется, что концепцию мягкой силы, как описывающую в собственной логике весь современный мировой политический процесс, целесообразно рассматривать с точки зрения двух основных измерений: регионального (примеров практического применения мягкой силы крупнейшими государствами — региональными лидерами) и функционального (изучения роли составных элементов мягкой силы: художественной культуры, религии, образования и науки, участия в деятельности международных неправительственных организаций и пр.)

Изучая проблемы и механизмы реализации «мягкой силы» современных государств в их внешнеполитической деятельности, следует в первую очередь остановиться на достижениях США как одного из главных акторов в теоретическом осмыслении и практической реализации и продвижении концепции «мягкой силы». В тоже время следует отметить, что американской «мягкой силе» посвящена масса работ, изданных в России и за рубежом (См.: [9; 33; 34; 43]), поэтому мы сознательно исключаем эту тематику из нашего круглого стола, как, с одной стороны, объемную, а с другой, хорошо изученную.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ДОКЛАДЧИКОВ

Роль Совета Европы как инструмента мягкой силы в современном пространстве международных отношений

Д.С. Коробка

Трансформация основных характеристик социально-политического поля, изменение традиционных идентичностных референций социума, унификации и диверсификации приводят к тому, что в международном сообществе складываются объективные и субъективные условия для формирования общего видения современной эпохи с ее требованиями конструирования глобальной идентичности и включения социально-культурных и цивилизационных факторов в политическую практику.

«С точки зрения теории международных отношений, — утверждает И.А. Чихарев, — современное кризисное состояние можно трактовать как кризис мироуправления, который связан с противоречиями нескольких разнонаправленных политических мегатрендов: интеграция и управляемость vs поляризация и либерализация. Главной проблемой предстоящего периода в сфере мироуправления станет поиск оптимальных моделей глобальной организации или нескольких метарегиональных организаций, которые в дальнейшем смогут создать новую организационно-управленческую инфраструктуру миросистемы» [41. С. 11—13].

Стремление России и Европы занять прочные позиции на мировой арене должно формироваться не только на экономическом взаимодействии, но на построении единого социально-политического и культурного пространства, прочной основой которого должен стать механизм гражданского общества.

Д.Б. Казаринова отмечает, что «среди трех факторов мягкой силы, как для Европы, так и для России самый выигрышный — фактор культуры» [10. С. 275]. Роль общего знаменателя в этом процессе играет Совет Европы, полноправным членом которого РФ является с 1996 г.

И несмотря на тот факт, что в политическом дискурсе существуют различные точки зрения на значение и эффективность этой организации, и в частности, на место России в ней, изучение роли, функций и деятельности этой организации приводит к выводу о том, что именно Совет Европы является одним из действующих механизмов европейской «soft power» и европейского геополитического пространства культуры в преодолении противоречий современного постглобального мироустройства.

Диалоговые стратегии, выстраиваемые между Россией и Европой в рамках деятельности данной организации, в различных областях могут являться эффективным средством преодоления проявлений глобального кризиса мироустройства — как нормативно-правового и управленческого, так идентификационного и ценностно-культурного — и механизмом адаптации российского и европейского обществ к новым реалиям постглобального мира.

Основанный в 1949 г. Совет Европы является старейшей на континенте «классической» [14] организацией межправительственного и межпарламентского сотрудничества, объединяющей на сегодняшний день 47 стран-членов, целью которой является «обеспечение интеграции европейских стран в единое правовое сообщество, содействие их экономическому и социальному прогрессу» [75]. Реструктуризация мирового пространства, современные глобализационные тренды, радикально трансформировавшие облик социально-политической системы современного общества, изменили и сущностный характер этой организации, отодвигая на задний план стратегические основания «real politic» (1) и придавая ей символический «космогонистический» статус носителя ценностей Большой Европы и механизма мягкой силы.

Мнения о месте Совета Европы на мировой политической арене различны: от констатации кризисного состояния всей системы международных организаций и Совета Европы в частности [77. Р. 48—67; 22] до мнения о космополитическом характере деятельности данной организации (Ульрих Бек). В работе Франка Шиммельфеннинга, Стефана Энгерта и Хейко Кнобеля «Международная социализация в Европе. Европейские организации, политические условия и демократические изменения» [73] содержится «социолого-институционалистский» анализ воздействия Совета Европы на государства. Необходимо констатировать, что большинство отечественных и зарубежных исследований и публикаций о Совете Европы посвящены нормативно-правовой стороне его деятельности и рассматривают данную организацию как процессуальный механизм реализации прав человека [3. С. 37—59; 13. С. 136—148; 44. С. 166—183; 45. С. 141—147; 46] в рамках деятельности

Европейского суда по правам человека. Такой правовой редукционизм представляется ошибочным, по меньшей мере, по трем причинам.

Юридическая деятельность Совета Европы не может быть отделена от его фундаментальной характеристики, утвержденной в Уставе: Совет Европы — политическая межправительственная организация.

Второй ошибкой является отделение деятельности Совета Европы по защите прав человека от того, что в определенной мере является побудительным стимулом и онтологическим основанием этой деятельности: общие и разделяемые культурно-ценностные основания, представляющее собой сложное переплетение общественной мысли, родившееся на стыке философии, политики, этики и экономики в ходе совместного исторического развития.

Деятельность Совета Европы не сводится лишь к правовому толкованию текста Европейской конвенции о защите прав человека, которая, несомненно, имеет важное значение. Совет Европы, прежде всего, отличает то, что права человека рассматриваются как культурно детерминированные, а право на свободу культурного самоопределения является фундаментальной гуманистической основой деятельности этой организации [71. Р. 171—172].

Недосказанной остается социально-политическая сущность данной организации, основания которой заложены в истории ее становления и развития, определения приоритетов и ценностно-нормативных оснований деятельности [61].

Совет Европы — это своеобразный космополитический дискурс и политическая практика, утверждающие универсальность таких ценностных оснований современной социально-политической системы, как демократия, права человека, построение гражданской политической культуры, трансформирующие национальное пространство и расширяющие его до глобального континуума. Терри Дэвис подчеркивал: «Совет Европы проделал долгий путь с момента его создания в 1949 г. Сегодня он обеспечивает интересы 800 млн человек из 46 государств — членов Совета Европы, но его фундаментальные принципы не изменились: в центре его деятельности находятся демократия, права человека и качество жизни. Его ценности представляют собой мощную силу в процессе объединения Европы, и мы стремимся продвигать эти идеалы, стараясь находить совместные решения общих проблем» [62. Р. 2].

Как отмечает Ж. Пето, Совет Европы — «организация, далеко не аморфная и дремлющая, значительно расширила сферу своей деятельности соответственно изначально заявленной цели... это прежде всего идеология, „космогония“, система идей, чувств и отношений, присущих определенной группе, которые представляют собой концепцию мира, человечества, истории, морали, политики, экономики, философии и т.д.» [71. Р. 23].

Таким образом, Совет Европы может быть рассмотрен как референция становящегося космополитического общества, основания которой заложены в истоках, роли, функциях и динамике развития данной организации.

Совет Европы был создан на волне призывов к единению Европы и построения своего рода «Соединенных Штатов Европы» после Второй мировой войны.

Проснувшаяся после освобождения от гитлеровского фашизма и разобщенная после пяти лет войны, Европа оказалась не только перед проблемой восстановления разрушенной экономики, политического влияния, определения своего места в новом миропорядке, но, в попытке предотвратить новую «трагедию», и перед проблемой определения своих идентификационных оснований. Эдмунд Гуссерль очень характерно диагностировал состояние послевоенной Европы: «Или же Европа погрязнет в ненависти и варварстве; или же возродиться из духа философии... Самая большая опасность, которая грозит Европе, это усталость» [57. Р. 105].

Западные исследователи и политики связывают возникновение Совета Европы с заявлением, которое в октябре 1942 г. сделал глава военного кабинета Англии Уинстон Черчилль. «Я должен признать, — писал он, — что мои мысли сосредоточены в первую очередь на Европе, на возрождении величия Европы — колыбели современных наций и цивилизации. Как это ни трудно сейчас сказать, я думаю, что европейская семья народов может действовать единодушно под руководством Совета Европы...» [50. Р. 158].

Одним из самых значительных достижений Совета Европы считается разработка и принятие Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (2). Жан Паточка так оценивает этот политический шаг: «Необходимо нечто фундаментальное, не техническое и инструментальное одновременно; необходима этика, очевидная сама по себе а не обусловленная обстоятельствами, безусловная мораль... И не человек должен определять моральный порядок исходя из своих нужд, предпочтений, склонностей и желаний... напротив, мораль определяет человека... Подписание конвенции о защите прав человека и общества стало возможным как новый этап исторической эволюции; это переворот в сознании людей... Мотивацией деятельности теперь не являются исключительно страх или материальная выгода, а уважение человека, концепция всеобщих обязанностей и благ...» [69. Р. 12].

Начавшееся в 1985 г. как ответ на поступательное изменение структуры миропорядка, стремительное расширение Совета Европы на Восток, свидетельствующее о наступлении новой полосы в развитии континента, заставляет эту организацию, которая обрела статус общеевропейской, пересмотреть свою роль и место в системе европейских институтов и даже самой концепции Европы.

Резолюция Комитета Министров в апреле 1985 г. определила в качестве приоритетного направления деятельности данной организации концепцию европейской культурной идентичности: «Общая европейская традиция и идентичность как результат общей истории культуры не прекращается на границах двух политических систем, существующих в Европе» [52].

Вступление 28 февраля 1996 г. в Совет Европы Российской Федерации (3), «укладывавшееся в курс расширения на Восток», прежде всего, по причине необходимости обеспечить стратегическую безопасность европейского региона (4), означало, что отныне Организация приобрела подлинно общеевропейский характер и символически объединила 800 млн граждан.

Одновременно перед Советом Европы встала задача приспособиться к такому новому окружению, которое стало не только более масштабным и многообразным,

но и более сложным и менее стабильным (5). Присоединяясь к Совету Европы, Россия заверила организацию в том, что она готова привести свое законодательство и политическую систему в соответствие с европейскими нормами.

В Концепции внешней политики РФ закреплено: «Россия выступает за укрепление роли Совета Европы в качестве самостоятельной универсальной общеевропейской организации, определяющей уровень правовых стандартов во всех государствах — членах Совета Европы без дискриминации и привилегий для кого бы то ни было, важного инструмента устранения разделительных линий на континенте» [12].

Отметим, что несмотря на внешнюю готовность и протокольное выполнение Россией заявленных обязательств фактически многие из них не нашли отражение на практике по различным причинам, как политического, так и социокультурного характера. Несомненно, принятие России в Совет Европы трудно охарактеризовать однозначно (6). Для России Совет Европы означал, прежде всего, символическую принадлежность к европейскому пространству, а для Европы — инструмент обогащения своего символического геополитического капитала культуры в пространстве современных международных отношений. Многие специалисты сегодня ставят вопрос о том, каков статус этой организации, если один из его основных членов не выполняет свои обязательства [65; 72].

Однако, отбросив в сторону субъективные оценки, отметим, что в период дестабилизации миропорядка и распада биполярной системы «Совет Европы, выступая гарантом демократического идеала, постарался примирить принципы и реальность, рациональность и действительность. Можно полагать, что Совет Европы с этой точки зрения выполнял функцию важного институционального элемента международной системы» [71. Р. 166].

С 19 мая по 15 ноября 2006 г. Россия выполняла функции председателя Комитета министров Совета Европы. В качестве приоритетов председательства, девизом которого стал принцип «К единой Европе — без разделительных линий» были определены следующие цели:

- укрепление национальных средств защиты прав человека, развитие образования в правозащитной сфере, защита прав национальных меньшинств;
- формирование общего европейского правового пространства в интересах защиты личности от современных вызовов;
- улучшение условий доступа к социальным правам, защита уязвимых групп населения;
- совершенствование форм демократии и гражданского общества, внедрение эффективных методов управления;
- укрепление взаимопонимания и толерантности между людьми путем развития контактов;
- расширение сотрудничества в сфере культуры и образования, науки и спорта, поощрение молодежных обменов.

Этот набор приоритетов и программа председательства были обусловлены задачей продемонстрировать потенциал Совета Европы как механизма сотрудничества по всему спектру общеевропейских проблем и проблем формирования глобальной гражданской структуры (7).

В выступлении в Комитете министров Совета Европы по итогам председательства заместитель Министра иностранных дел России Александр Грушко, в частности, отметил: «Многие проблемы... являются проблемами общеевропейского масштаба. Это та среда, в которой „функционируют“ наши общие ценности и идентичности. Без ее улучшения, без коллективного поиска решения этих проблем будет происходить эрозия ценностей и, соответственно, ослабление значимости Совета Европы...».

За 16 лет количество членов Совета Европы увеличилось с 23 до 47, что, очевидно, повлекло за собой качественные изменения организации: изменение внутреннего институционального равновесия организации, с одной стороны, и изменение внутренней культуры Совета Европы — с другой [71. Р. 166]. С расширением Совета Европы на Восток данная организация постепенно утратила свои стратегические функции и приобрела символический характер, выполняя роль инструмента распространения европейской «мягкой силы». В Будапештской декларации «За Большую Европу без разделительных линий» по случаю празднования 50-летнего юбилея Совета Европы данная организация определила себя как «демократическая совесть Европы» [54].

Современные глобальные изменения, расширение границ социально-культурного пространства организации необходимо ставят вопрос о функциональном назначении Совета Европы в современной миросистеме. Как справедливо отмечает Ж. Пето: «Современность ставит ряд важных вопросов перед Советом Европы:

1. Что произойдет с универсальным проектом защиты прав человека и превосходства права в условиях глобального насилия, идеологических формах конфликта, принимающих все более антагонистичный и острый характер?

2. В каком направлении далее будет происходить идентификация, понимание и поиск решений проблем общества в условиях растущей систематической конфронтации богатства и бедности, которая находит свое отражение не только на глобальном уровне, но и среди 47 членов Совета Европы?

3. Какого место общих ценностных оснований общества в настоящее время актуализации кризиса политического проекта, редукции коллективных и интернациональных целей в пользу индивидуалистических и националистических тенденций?

4. Почему сейчас более чем когда-либо становится необходимым, чтобы Совет Европы обратился к одной из своих первостепенных функций: функции «лаборатории» идей, создателя смыслов и ориентиров, вдохновителя 800 миллионов индивидов, которые становятся все более и более чуждыми друг другу, своей истории, своей идентичности и культуре?» [71. Р. 30—31].

Эти актуальные на сегодняшний день вопросы свидетельствуют о необходимости поиска новых управленческих стратегий и практик мягкой силы, основывающихся на системе ценностей, приемлемой для всей Европы:

- универсализме формальных и социальных прав;
- защите европейской идентичности, характерными чертами которой одновременно являются гетерогенность и диверсификация [71. Р. 171].

Обострение межкультурных противоречий на различных уровнях социально-политической системы, связанное с глобальным идентификационным кризисом, рост нетерпимости, сепаратистских тенденций в мире очевидно свидетельствует о потребности выработки стратегий, основанных на принципе «мягкой силы».

В современном мире, который становится все более многообразным и незащищенным, необходимыми становятся попытки преодолеть этнические, религиозные, языковые и национальные разделительные линии, чтобы обеспечить социальную сплоченность и предотвратить конфликты. Сегодня мир становится целостным и требует нового сотрудничества, связанного с поисками «со-развития» и взаимной безопасности от новых рисков и угроз, в том числе террористической. В сегодняшнем мире ни одна цивилизация, невзирая на ее культурную специфику, не может избежать вовлеченности в глобальные процессы экономической и политической модернизации.

Мягкая сила как ключевой инструмент активности Европейского Союза на международной арене

Д.Б. Казаринова

Подлинными поклонниками идеи увеличения роли «мягкой силы» в мировой политике стали как отдельные государства Европы (в первую очередь Франция, Германия, Великобритания, об усилиях в развитии собственной «мягкой силы» которых написано и сказано в рамках круглого стола немало), так и Европейский Союз как надгосударственное образование, делающее в последнее время активные шаги для формирования консолидированной внешнеполитической позиции. ЕС поднял идею «мягкой силы» на свой внешнеполитический щит по ряду взаимозависимых причин. Во-первых, он обладает мощным ресурсом притягательности, той самой «мягкой силы», а также развитыми национальными и наднациональными инструментами его реализации, а во-вторых, что еще более важно, другой силой, кроме «мягкой», он не располагает в той мере, чтобы претендовать на ту роль глобального лидера, к которой ЕС стремится.

О росте «мягкой силы» Европейского Союза свидетельствует широко распространенное представление о том, что он является ключевым звеном для решения глобальных проблем. Согласно общественному мнению, Европейский Союз прилагает больше усилий, чем Соединенные Штаты, для решения множества различных проблем, простирающихся от борьбы с терроризмом до сокращения бедности и защиты окружающей среды.

Для характеристики «мягкой силы» ЕС эксперты чаще всего используют ее нормативную составляющую.

В этой сфере ЕС добился значимых успехов, выработав общеевропейское или коммунитарное право для большого числа разноположенных участников европейского интеграционного процесса. Более того, ЕС последовательно распространял свои нормы на близлежащие страны и регионы, с которыми декларировал особые, партнерские отношения, стремясь вовлечь в ареал своего влияния и интереса, в чем последовательно достигал успеха.

Концепция нормативной силы (мощи) анализируется в первую очередь применительно к Европейскому Союзу. Центральное место в этой концепции занимает понятие нормативной силы и ее соотношение с другими компонентами могущества международных акторов; роль норм и ценностей в построении внешних отношений Европейского Союза; источники нормативной мощи ЕС, а также перспективы укрепления международного влияния Евросоюза за счет нормативного потенциала [18. С. 164—170].

На практике это означает, что во всех сферах международной жизни, кроме военной, влияние Европы будет зависеть от ее способности принимать нормативные документы по самым разнообразным вопросам, таким как климатические изменения, финансовая устойчивость, операции по поддержанию мира, проекты содействия развитию стран (См.: [64]).

Европа вообще вкладывает больше средств в публичную дипломатию.

Европейцы имеют большой опыт в ее реализации и активно финансируют развитие международных культурных связей.

Франция, к примеру, тратит на такого рода программы 17 долларов на душу населения — почти вчетверо больше, чем следующие за ней Канада, Британия и Швеция. Для сравнения: расходы американского государственного департамента на финансирование международных культурных программ составляли всего 65 центов на душу населения. Кроме того, европейские страны прилагали больше усилий для привлечения студентов в свои школы и университеты со всего мира [19].

Американцев заботит то, каким образом единая Европа будет реализовывать свою «мягкую силу» по отношению к американской. Это один из ключевых вопросов и для Дж. Ная. Хотя европейская «мягкая сила» может быть использована для противодействия американской «мягкой силе» и осложнения односторонних действий, она может также служить источником помощи и увеличения американской мягкой силы и повышения вероятности того, что Соединенные Штаты достигнут своих целей. «Мягкая сила» может быть общей и использоваться совместно. Европейское содействие демократии и правам человека помогает распространению общих ценностей, согласующихся с американскими целями.

От поведения России как глобального игрока также во многом зависит, будет ли «мягкая сила» ЕС сталкиваться с российской (и побеждать, так как сравнение их потенциала не в пользу России) или наоборот, будет способствовать сближению политических позиций (8).

Необходимость поиска общих социокультурных знаменателей внутри самого ЕС, а также между РФ и ЕС через культурную дипломатию как часть стратегии мягкой силы, все более признаваемой и европейской, и российской стороной в качестве ключевого ресурса современных международных отношений, и диалог «снизу» на уровне гражданских обществ — на повестке дня российско-европейских отношений.

Эксперты отмечают, что «как и внутри самого ЕС, проблема доверия в его отношениях с Россией связана с несовершенством демократических механизмов сглаживания отличий в социальном поведении. Однако именно она может решаться на микроуровне силами наиболее заинтересованных сторон — гражданского

общества и бизнеса России и стран ЕС» [5. С. 274]. Путь гражданского диалога и культурной дипломатии имеет наиболее оптимистические перспективы для российско-европейского сотрудничества, и это подтверждается тем фактом, что из четырех общих пространств наиболее конструктивным проектом стало создание пространства «научных исследований и образования, включая культурные аспекты».

Новый образ Китая на международной арене

А.В. Кутелева

В середине 1980-х гг. благодаря стремительному экономическому росту Китая был впервые поднят вопрос о необходимости пересмотра его статуса на мировой арене. Уже 1990-х гг. активно обсуждалось то, насколько устойчивым будет развитие Китая. Один из ведущих американских синологов, Д. Сигал, в 1999 г. был уверен, что потенциал Китая ничтожен и ему уготована незавидная роль «второсортной державы». Критикуя инвесторов, вкладывающих деньги в Китай, и развенчивая миф о китайской военной мощи и геополитической значимости, Д. Сигал остроумно обыгрывал значения слова «*middle*», которое употребляется в англоязычной традиции для термина «серединное государство»: «среднее государство — средняя сила» [74. Р. 24—36].

Сегодня сомневаться в успехах Китая не принято. Наиболее актуальный вопрос — «Что принесет возвышение Китая миру?» Одни исследователи говорят о скорой экономической экспансии Китая, другие полагают, что растущие геополитические амбиции Китая станут причиной эскалации региональных и международных конфликтов, а третьи видят Китай новым гегемоном, претендующим на место США (См.: [15; 26; 32. С. 19—22; 48; 60; 63; 70; 79]).

Те немногие, кто по-прежнему скептически настроен относительно будущего Китая, считают, что неминуемый коллапс его экономики и последующая социально-политическая дестабилизация спровоцирует очередной мировой кризис (См.: [40]). Таким образом, превратившись в начале XXI в. из «больного человека Азии» (9) в «одного из самых здоровых людей в мире», Китай продолжает пугать как своих непосредственных соседей, так и все международное сообщество в целом.

В результате в 2000-е гг. Китай столкнулся с классическим вариантом «дилеммы безопасности»: чем выше его экономический, научно-технический и оборонный потенциал, тем больше поводов для беспокойства возникает у его партнеров и соседей (См.: [7; 42; 55]). Международное сообщество настойчиво заставляет Китай брать на себя новые обязательства и встраиваться в существующую систему глобальной ответственности. Ведущие мировые державы уже видят в нем равного по силе геополитического игрока, а не беспомощное государство «третьего мира», которому необходимы поблажки [80]. Для дальнейшего диалога и конструктивного сотрудничества с другими государствами Китаю необходимо завоевать их доверие, а также легитимировать свою растущую мощь, создав себе репутацию ответственного члена международного сообщества.

На открытии XVII съезда КПК 15 ноября 2007 г. Ху Цзиньтао подчеркнул, что Китай выступает «за то, чтобы народы всех стран общими усилиями стимулировали создание долговечного и прочного гармоничного мира (хэсе шицзе) совместного процветания» (10). Под «гармонией» в данном случае также понимается решение насущных глобальных проблем развития на основе диалога и консенсуса, поиска оптимального решения, удовлетворяющего всех участников международных отношений.

По мнению ряда китайских исследователей, концепция «гармоничного мира» является сочетанием идеалистических и реалистических подходов к международным отношениям. С одной стороны, она основана на идеях равноправия, интернационализма и коллективной ответственности, с другой стороны — пропагандируя прагматизм в принятии внешнеполитических решений, рассматривает экономический рост и политическую стабильность, а не на идеологию в качестве основного критерия «правильности» [6; 81]. К тому же концепции гармоничного мира соответствует менее конфликтная модель международных отношений. Данное положение развивается в концепции «мирного развития» (*хэпин фачжэнь*).

«Мирное развитие» было названо Ху Цзиньтао «стратегическим выбором, который сделан китайским правительством и народом с учетом тенденций развития эпохи и собственных коренных интересов». Согласно его докладу, «мирное развитие» подразумевает:

- равноправие всех стран вне зависимости от уровня их экономического развития и господствующей идеологии;
- создание условий для взаимовыгодного сотрудничества, в частности «усовершенствование международных торгово-финансовых систем, продвижение либерализации торговли и инвестирования с созданием для них соответствующих удобств»;
- использование «пяти принципов мирного сосуществования» (11) как основы в построениях отношений между Китаем и другими участниками международных отношений [37].

Китай пытается дать понять международному сообществу, что и разговоры о так называемой «китайской угрозе» совершенно беспочвенны. Примеряя на себя новый статус мировой державы «номер два», Китай прилагает огромные усилия для того, чтобы избежать негативной реакции на свое возвышение, полагаясь, прежде всего, на развитие «мягкой силы». Руководство Китая прекрасно понимает, что «в современную эпоху культура становится все более важным источником цементирующих и творческих сил нации и одновременно все более важным фактором конкуренции в совокупной государственной мощи», и возвышение Китая должно сопровождаться «процветанием и подъемом китайской культуры» [38]. Таким образом, на последнем съезде КПК был окончательно официально закреплен курс на развитие «мягкой силы» (12).

Состоявшиеся в Пекине летние Олимпийские игры не только продемонстрировали готовность Китая перейти от слов к делу в использовании «мягкой силы», но и стали апофеозом компании по «популяризации» гармонии. На церемонии открытия Олимпийских игр 8 августа 2008 г. на гигантском стилизованном печатном

станке один за другим появились три варианта иероглифа «хэ», означающего «гармонию».

Следующее крупное международное мероприятие, проходившее при непосредственном участии Китая — всемирная международная выставка «Экспо» 2010 г. — стала «соревнованием в мягкой силе» (См.: [51; 76]), в котором Китай оказался очевидным победителем. Шанхайская «Экспо» побилла сразу три рекорда — по численности участников, численности посетителей и площади экспозиций, а главное — установила новую, более высокую, планку для организации последующих выставок. Кроме того, Китаю вновь удалось затронуть тему гармонии и «мирного развития»: эмблемой шанхайской «Экспо» стало изображение трех человек, держащихся за руки, которое имитирует иероглиф «мир» (*ши*) (13).

Помимо ярких имиджевых акций Китай также предпринимает комплексные меры по расширению и укреплению своего регионального и глобального влияния.

В частности, это проявляется в укреплении сотрудничества с АСЕАН и активности на саммитах АТЭС, а также в деятельном участии Китая в основании и развитии ШОС. Китай оказывает помощь в экономической и социальной сфере, в области здравоохранения и образования развивающимся странам Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии (14). При этом в отличие от других мировых держав Китай «не увязывает свою помощь ни с какими условиями, относящимися к ответственному государственному управлению» [56], а также «принципиально отказывается от традиционной для Запада увязки развития двустороннего сотрудничества с соблюдением гуманитарных прав граждан» [29. С. 49]. Своим союзникам Китай предъявляет лишь одно, в большинстве случаев легко выполнимое, требование: не поддерживать официальных отношений с так называемой Тайваньской администрацией.

Для повышения собственной глобальной культурной привлекательности Китай также достаточно эффективно использует программу по популяризации китайского языка. Одним из наиболее успешных проектов в этой области стала сеть международных культурно-образовательных центров «Институт Конфуция», которые создаются Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом (*Ханьбань*) совместно с зарубежными синологическими центрами.

Первый «Институт Конфуция» был открыт в 2004 г. в столице Южной Кореи Сеуле. По состоянию на конец 2010 г. в мире действовало 322 института и 369 классов Конфуция в 96 странах и регионах мира, а число зарегистрированных слушателей составило 360 тыс. человек [16. С. 10]. На эмблеме «Института Конфуция» также можно увидеть символы мира и гармонии: белый голубь на фоне земного шара. При этом в том, что «Институт Конфуция» — масштабный политический проект Китая, сомнений нет: в 2009 г. один из самых влиятельных членов Политбюро ЦК КПК Ли Чанчунь назвал его «важной частью китайской внешнеполитической пропаганды» [47].

Безусловно, Китаю уже удалось произвести впечатление не только на «носителей конфуцианского цивилизационного проекта», но «единовременно через средства массовой информации донести до сознания представителей других цивили-

лизаций системообразующую идею современной китайской политики, уходящую корнями в седую древность» [11].

Однако до полной победы далеко — китайская «мягкая сила» все еще слаба.

Большинство аналитиков сходятся в том, что скандальные аресты гражданских активистов и представителей интеллигенции, критикующих режим, нивелируют усилия Китая по созданию позитивного государственного имиджа [67]. Китай сумел заслужить симпатии в Африке, а также в ряде государств Ближнего Востока и Латинской Америки, однако в США, в государствах Западной Европы, в Японии и Южной Корее к Китаю по-прежнему относятся весьма прохладно.

Провозгласив в начале 2000-х гг. главным принципом своей внешней политики всестороннюю гармонию, Китай пытается убедить весь остальной мир в несостоятельности теории «китайской угрозы».

Защищая собственные национальные интересы, Китай подчеркнуто демонстрирует стремление к многополярному сотрудничеству и уважение к международным нормам. Он не хочет пугать другие государства своей многомиллионной армией или внушительным арсеналом вооружений и не планирует добиваться своих целей на международной арене, используя экономические рычаги. Напротив, Китай стремится создать образ гармонично развивающегося благополучного государства, ратующего за мир во всем мире, и распространяет свое влияние исключительно за счет «мягкой силы». Результатом такой политики должно стать закрепление конкретного ассоциативного ряда: «мирное развитие Китая — взаимная выгода — гармоничный мир».

Однако, несмотря на растущее желание «понравиться» всему миру и работу над собственным имиджем, Китаю по-прежнему не удается обаять Запад и своих ближайших соседей в Восточной Азии.

Грандиозные усилия Китая по развитию собственной «мягкой силы» дают скромный результат, прежде всего, потому, что Китай не может предложить остальному миру ничего в культурном и идеологическом плане.

Во-первых, китайская модель развития не превратилась в универсальный ответ на вызовы современности. Опыт экономических и политических преобразований Китая вдохновляет теоретиков и практиков во всем мире, но «пекинский консенсус», которому пророчили большое будущее, не стал альтернативой «вашингтонскому консенсусу» и не совершил радикального переворота в политико-экономической мысли.

Во-вторых, современный Китай не производит универсальные интеллектуальные и эстетические идеи. Китайская популярная культура рассчитана на «внутреннее пользование», а образование не выдерживает конкуренции на глобальном рынке. В итоге «на экспорт» идут исключительно сокровища традиционной китайской культуры — философия, боевые единоборства, каллиграфия, традиционная живопись.

Наконец, китайский образ жизни непривлекателен для представителей других культур и носителей других цивилизационных кодов. В Китай большинство иностранцев приезжает делать бизнес или учить китайский язык, но не для того, чтобы

жить «по-китайски», создавать семьи и воспитывать детей. Более того, у иностранца не азиата практически нет шанса ассимилироваться — стать китайцем.

Китай активно осваивает ресурсы «мягкой силы» и поступательно меняет свой образ на международной арене, но по-прежнему уступает другим ведущим мировым державам в авторитете и привлекательности. Вне зависимости от того, о чем идет речь — об образовании, о популярной культуре, о политических теориях, об экономическом сотрудничестве или геополитическом союзе — большинство людей во всем мире, имея возможность выбирать, все-таки предпочтут Запад, а не Китай.

Политика и механизмы «мягкой силы» Германии

А.А. Кинякин

На сегодняшний день Германия является одной из стран, активно использующих различные механизмы *soft-power* для реализации своих интересов. Во многом это обусловлено не только тем, что в настоящее время «мягкая сила» оказывается подчас более действенным и эффективным средством, чем традиционные формы реализации политики, но и историческим прошлым.

Использование Германией механизмов традиционного воздействия, связанных с применением обычной силы, неизбежно влечет за собой обвинения в усилении праворадикальных и реваншистских настроений, что нередко приводит к негативным результатам. В этой связи германские власти стремятся по возможности как можно более активно использовать механизмы *soft-power*.

На сегодняшний день основным из них является использование культурной политики, направленной главным образом на популяризацию немецкого языка и немецкой культуры. В настоящее время одной из основных структур, на основе которой решаются эти задачи, является Институт Гёте (*Goethe Institut*). На данный момент он имеет 142 представительства в 92 странах мира, что делает его одним из наиболее крупных культурных и образовательных центров во всем мире.

Основными видами деятельности *Goethe Institut* является проведение различного рода мероприятий, направленных на популяризацию немецкого языка и культуры: в частности, курсов немецкого языка, тематических семинаров и *workshops*, конференций и форумов (к примеру, ярмарки вакансий).

Немаловажно также и то, что *Goethe Institut* представляет возможность использования обширного библиотечного фонда и баз данных по различным аспектам общественной жизнедеятельности — политике, экономике, культуре, искусству.

Также весьма значимым направлением деятельности *Goethe Institut* является осуществление так называемых культурных обменов. В качестве примера можно привести тот факт, что *Goethe Institut* выступает одним из организаторов и спонсоров такого мероприятия, как «Год России в Германии».

Не менее значимую роль в осуществлении политики «мягкой силы» в Германии играет образовательная и научная сфера.

В первую очередь, это касается системы высшего образования.

Германская университетская система в настоящее время остается не только одной из наиболее качественных как в Европе, так и мире в целом, но, что немаловажно, доступной. В отличие от США и Великобритании высшее образование в Германии является бесплатным, что, безусловно, не может не представлять интерес для студентов и абитуриентов их различных стран.

В настоящее время особую роль в продвижении германского высшего образования принадлежит Германской службе академических обменов (Deutscher Ausländische Austausch Dienst, DAAD).

Это структура, созданная в 1925 г., аналогов которой в мире найдется немного (несмотря на то, что DAAD формально является общественной организацией, она обладает особым дипломатическим статусом, приравненным к государственным учреждениям), на сегодняшний день имеет разветвленную сеть, насчитывающую более 130 представительств в 67 странах мира. При этом членами DAAD на данный момент являются более 250 высших учебных заведений и 130 студенческих союзов в Германии, а участниками программ — свыше 1500 университетов и институтов по всему миру.

Будучи крупнейшим центром по развитию международного межвузовского сотрудничества, DAAD с помощью широкой финансовой поддержки как со стороны германского государства, так и со стороны общественных организаций выполняет культурные и образовательные задачи (Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik), способствуя развитию и реализации национальной политики высших учебных заведений, цель которой состоит в придании не только образованию, но и исследовательской и научной деятельности интернационального характера.

Основной формой деятельности DAAD является финансирование образовательных, научно-исследовательских проектов, а также развитие стипендиальных программ для обучения в Германии.

При этом следует отметить, что на сегодняшний день DAAD выполняет не только функцию по продвижению германского образования, но выступает посредником в рамках европейской образовательной политики, особенно при реализации программ ЕС в сфере обмена и миграции. Эта посредническая функция, в частности, находит свое отражение и в путях финансирования DAAD.

В этом вопросе организация выходит за рамки простого поиска источников денежных средств: она предоставляет вузам возможности участия в культурной и научной политике государства, а государственным же структурам она облегчает доступ к частным ресурсам вузов, которого они никогда не получили бы без посредничества DAAD.

В рамках реализации научного направления деятельности одним из неизменных партнеров DAAD выступает крупнейшая германская научно-исследовательская организация — Германское научно-исследовательское общество (Deutsche Forschungsgesellschaft, DFG). В настоящее время именно через DFG осуществляется финансирование большинства научно-исследовательских проектов, которые, как правило, предполагают привлечение иностранных участников (вузов, научно-исследовательских институтов).

DFG является одним из крупнейших грантодателей в Германии.

По разным оценкам, совокупный объем средств, выделяемых на различные исследовательские проекты, составляет от 1 до 2,5 млрд евро. Причем в данном случае следует отметить, что примерно 70% финансирования организация получает со стороны германского государства, а оставшаяся часть финансируется за счет некоммерческих и коммерческих организаций (в частности, германских промышленных концернов).

В отличие от DFG, деятельность которого сосредоточена исключительно в научно-исследовательской сфере, другие германские фонды являются более диверсифицированными по своей природе структурами, стремясь активно развивать свою деятельность по нескольким направлениям. При этом система фондов (Stiftungen) в Германии несколько отличается от системы фондов в США, большинство из которых создавались в форме endowment в целях снижения налоговой нагрузки и связаны с трастами конкретных частных лиц или компанией. Германские фонды, как правило, представляют собой общественные организации, создаваемые коммерческими или некоммерческими структурами с целью поддержки конкретных проектов.

Причем эти проекты могут быть в самой различной области. В частности, крупнейший германский некоммерческий фонд — Фонд Александра фон Гумбольдта (Alexander-von-Humboldt-Stiftung) осуществляет свою деятельность в сфере образования и науки, оказывая поддержку ученым (преимущественно гуманитарных специальностей) по осуществлению научно-исследовательской деятельности. В то же время Фонд «Фольксвагена» (Volkswagen-Stiftung) занимается поддержкой проектов преимущественно в области экономики, имеющих практическую коммерческую направленность.

Существуют, впрочем, в Германии и фонды, которые носят не одноцелевой, а диверсифицированный характер, стремясь осуществлять свою деятельность сразу в нескольких сферах. К числу таких, в частности, можно отнести Фонд Роберта Боша (Robert-Bosch-Stiftung), который занимается поддержкой проектов как в области образования и науки, так и в области здравоохранения, социальной сферы, международных отношений.

При этом следует отметить, что деятельность ряда германских фондов носит ярко выраженный политический характер. В частности, Фонд Конрада Аденауэра (Konrad-Adenauer-Stiftung), финансируемый правым Христианско-демократическим союзом, Фонд Фридриха Эберта (Friedrich-Ebert-Stiftung), патронируемый СДПГ, и Фонд Генриха Бёлля (Heinrich-Boell-Stiftung), получающий финансирование со стороны объединения «Союз 90-е»/«Зеленые», занимаются поддержкой только тех проектов, которые отвечают «политико-идеологическим устремлениям» и политическим ценностям соответствующих политических партий. Во многом это обусловлено особой ролью политических партий в политической системе Германии.

В целом же в настоящее время большинство германских фондов имеет разветвленную сеть представительств не только в Европе, но и в мире. В частности, Robert-Bosch-Stiftung имеет более 80 представительств, часть из которых находится в Северной и Южной Америке, Центральной и Юго-Восточной Азии.

Примечательно также и то, что большинство крупных фондов выступают в роли своеобразных «зонтичных» структур, консолидирующих на своей основе более мелкие организации. В частности, тот же Robert-Bosch-Stiftung в настоящее время патронирует сразу несколько мелких фондов, в числе которых Фонд Ганса Вальца (Hans-Walz-Stiftung), Фонд Отто и Эдит Мюльшлегель (Otto und Edith Mühschlegel-Stiftung), а также Фонд ДВА (DVA-Stiftung). Деятельность последнего направлена на нормализацию франко-германских отношений и поддержку проектов в области культуры, литературы и искусства, что дает возможность рассматривать его в качестве непосредственного механизма «мягкой силы».

При этом следует отметить, что отличительной особенностью деятельности не только германских фондов, но и других структур, выполняющих функции механизмов soft-power, является их сетевой характер. На данный момент это касается не только того, что они стремятся развивать свою деятельность как сетевые структуры, имеющие представительство в различных странах, но, что немаловажно, пытаются активно вступать во взаимодействие с «коллегами по цеху». В частности, это наглядным образом проявляется при реализации крупных проектов, например, проведении мероприятий, имеющих важное значение для имиджа Германии.

Подобного рода сетевой характер сотрудничества позволяет усиливать кумулятивный эффект и способствует более эффективной реализации политики «мягкой силы», которой в настоящее время в Германии придается все большее значение и которая становится важным элементом продвижения германских интересов в мире.

Мягкая сила Испании: роль культурной дипломатии

Н.И. Сарымова

Рассматривая изменения в политической, географической и экономической сферах современного глобализирующегося мира, на первый план выходит ясное понимание того, что ведущие страны для достижения своей цели все чаще прибегают не к военным способам, а к дипломатии, или, как это точнее будет назвать, к «мягкой силе».

Первоочередными основами и ключевыми сферами применения «мягкой силы» являются культурные и политические ценности, институты, которые способны притягивать других в собственных интересах: национальные идеалы и внутренняя политика (демократия, свобода и права человека, благотворительность), культура, и не столько «высокая», сколько массовая (музыка, кинематограф, литература).

К основам «мягкой силы» стоит отнести и публичную внешнюю политику. Она должна соответствовать, как минимум, двум критериям: опора на общие ценности, разделяемые с другими государствами, и отказ от жесткого навязывания своего образа жизни.

Стоит отметить и привлечение через потребительские предпочтения (продукты питания, одежда, электротовары). Возможность воплощения внешней политики в четкой политической программе значительно облегчает использование «мягкой силы» для обеспечения добровольного характера подчинения [49].

Несмотря на логичное противопоставление «жесткая сила» — «мягкая сила», эти два элемента могущества государства взаимосвязаны. Хорошим примером тому служит негативное отношение в Европе, да и во всем мире, к «одностороннему» курсу администрации Дж. Буша-мл.

Преимущество в «жесткой силе», как правило, вызывает неприятие у других стран. Ровно таким же неэффективным может стать и перекося в сторону «мягкой силы». Но оно может быть сглажено эффективным использованием потенциала «мягкой силы» [20].

По своей природе «мягкая сила» более гибкая и привлекательная, гораздо приятнее последовать за человеком или идеей из-за интереса, чем под давлением. «Жесткая сила» — это всегда агрессия, а «мягкая сила» — это инструмент, который позволяет достигать своих целей посредством диалога [68].

Сегодня Испания является важнейшим игроком на политической карте Европы. Несмотря на кризис, национальное богатство Испании играет важную роль в экономике общеевропейского дома.

В торговле с другими странами, благодаря процессу глобализации, очень важно помнить о конкурентоспособности. Так, транспортный сектор Испании является важным ресурсом, который облегчает процесс торговли. И хотя строительство важнейшей автострады Мадрид—Севилья было названо проектом, который «сжигает» деньги, это стало важным вспомогательным элементом для дополнительных доходов государства. В 2009 г. президент США Барак Обама заявил, что примером для строительства высокоскоростных железнодорожных дорог должна стать линия AVE между Мадридом и Севильей [78].

«Мягкая сила» Испании сегодня непрерывно связана с ее историей. Так, культурные ценности Испании — язык, литература, музыка и кинематограф — десятилетиями являются проводниками интересов государства по всему миру. Стоит отметить и тот немаловажный фактор, что испанский язык является государственным языком как многих стран (Испания, Аргентина, Уругвай), так и международных организаций (ЕС, ООН, ОАГ). Более того, численность испаноговорящего населения во всем мире на конец 2011 г. насчитывала от 450 до 500 миллионов человек [25].

Одна из важных основ «мягкой силы» Испании сегодня — литература — берет свое начало с XVI в. Именно с этого времени начинается золотой век испанской литературы, подаривший миру Сервантеса, Лопе де Вега, Кальдерона и многих других.

Начиная с того времени испанская литература сделала большой шаг и помогла испанскому языку стать языком международного общения и получить широкое распространение в развитых странах того времени — Германии, Англии, Италии и Франции. Для преподавания испанского языка и распространения испанской

культуры в 1991 г. был учрежден Институт Сервантеса. Сейчас он имеет свои представительства на 4 континентах и более чем в 40 странах [23].

Благодаря ему испанский язык очень быстро обрел свою силу в мире, настолько, что, согласно журналу *The Economist*, «спустя немного времени мир поймет, что глобализация — это испанское слово».

Примерно этот же период и ознаменовал расцвет испанской живописи. Произведения Эль Греко, Диего Веласкеса, Пабло Пикассо стали очень важным стратегическим фактором. Потенциально изобразительное искусство своей вариативностью и пластичностью действует на сознание человека и на его предпочтения. Культура предлагает внешней политике возможность воздействовать на другое государство изнутри, не прибегая к экономическому давлению или военной силе [78].

Продвижением испанской культуры по всему миру занимаются различные институты и культурные центры. Например, Музей Прадо, входящий в число самых значимых и знаменитых музеев изобразительного и скульптурного искусств мира, периодически проводит тематические выставки, а также показ картин из музея на выставках в других странах.

Стоит отметить и важность испанского спорта как одну из основ «мягкой силы». Основными видами спорта является футбол, однако баскетбол, теннис, велоспорт, гандбол, мото- и автоспорт также важны благодаря присутствию испанских чемпионов во всех этих дисциплинах. Олимпийские игры в Барселоне в 1992 г. дали серьезный толчок к развитию спорта и сделали Испанию одной из ведущих мировых спортивных держав.

Продвижение «мягкой силы» Испанией стало возможно благодаря воплощению внешней политики в четкой национальной программе. Однако еще во времена правления Франко развитие отношений с другими странами было замедлено. Было важнее показать результат, нежели взаимодействие. Король Хуан Карлос I всегда прислушивался к мнению Европы и старался влиться в Европейское сообщество.

С ходом времени ситуация изменилась.

Преамбула Конституции Испании провозглашает готовность «сотрудничать в укреплении мирных отношений и кооперации со всеми странами мира». Имея на сегодняшний день дипломатические отношения со всеми странами ООН, внешняя политика в основном базируется на трех географических направлениях: Европа (в особенности ЕС), Иberoамериканское направление и страны Средиземного моря [24].

Ввиду культурной и языковой близости исторически важнейшим направлением для Испании являются страны Латинской Америки. В последние годы Испания расширила свое присутствие в Латинской Америке во всех сферах — от дипломатии до производства. С 1990 г. проводятся ежегодные Иbero-Американские саммиты, конференции по туризму, спорту, культуре, социально-экономическим проблемам и многому другому [1]. Латинская Америка сегодня является для Испании экономически важным регионом, где представлены крупнейшие испанские компании: Repsol, Telefonica, BBVA, Iberia, ENDESA, Iberdrola и многие другие.

Не менее важным направлением внешней политики можно назвать и страны Средиземного региона. Решение проблем в этом регионе, а также поддержание дружественных отношений, развитие культурных связей является одним из главных приоритетов Испании. Важным проектом для достижения названных целей считается «Барселонский процесс» — программа, в рамках которой предназначены меры по укреплению в странах средиземноморского региона институтов государства, развитие культурных и торговых связей, развитие экономики, решение вопросов в социальной и других отраслях [30]. В рамках сотрудничества с разными странами проходят специальные встречи по дополнительному взаимодействию в культурных, политических, социальных и других сферах. Так, 2011 г. был назван годом России в Испании и годом Испании в России. В рамках этого проекта было проведено множество мероприятий, охватывающих все сферы двустороннего сотрудничества [39].

В современном мире успех внешней и внутренней политики государства все больше зависит от дипломатии и от «мягкой силы».

Нельзя отрицать, что «мягкая сила» стала источником глубокой трансформации в понимании природы власти. Понятие «государство—война» все чаще заменяется понятием «государство—дипломатия», и сегодня самое важное — это понять «мягкую силу» и научиться правильно ее использовать, так как основная проблема заключается в сложном управлении и порой непредсказуемости результата.

Как было отмечено, паритет в паре «жесткая сила» — «мягкая сила» ведет к более эффективному выполнению поставленных задач, а эти два понятия являются неразрывными. Однако, учитывая историю сегодняшнего мира, стоит подчеркнуть тот факт, что для достижения поставленных задач страны всего мира все чаще прибегают к так называемой «мягкой силе».

Реализация стратегии мягкой силы во внешней политике Турции

А.И. Зубкова

Важные изменения, произошедшие во внешней политике Турции, связаны, прежде всего, с распадом Советского Союза, вызвавшим всплеск интереса Турции к регионам Кавказа, Средней Азии, что определило начало переосмысления роли Турции в мировой политике и международных отношениях.

Так, в 1990-е гг. в турецких научных и политических кругах возобновилась дискуссия о целесообразности включения пантюркистского идеологического компонента во внешнюю политику, проводимую республикой.

В реальном выражении идея создания Турана — единого тюркского сообщества, простирающегося от Западного Китая до Восточного Средиземноморья — вылилась в создание в 1992 г. в Стамбуле международной организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ), странами-учредителями и постоянными членами которой стали Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Турция и Узбекистан. В перспективе планировалось создание еди-

ного политико-экономического союза тюркских государств, ввиду чего Турция начала проводить регулярные саммиты тюркоязычных государств.

Но ограниченность возможностей Турции, различия во внешнеполитических приоритетах тюркских государств, а также географическая разобщенность тюркских народов Кавказа и Центральной Азии не позволили Анкаре реализовать свои планы. Однако полностью тюркская интеграция не была снята с повестки дня, о чем говорят, например, результаты саммита, проведенного ТЮРКСОЙ в Нахичевани в 2009 г., по итогам которого было принято решение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств, целью деятельности которого было объявлено укрепление экономических и культурно-гуманитарных связей.

Приход к власти Партии справедливости и развития ознаменовал новую веху во внешней политике Турции.

Так, интерес Анкары к постсоветскому пространству остался неизменно высоким, однако изменилось его идеологическое обоснование, заключающееся в апелляции к «глубоким историческим и культурным корням Турции на Балканах, Ближнем Востоке, на Кавказе и в Центральной Азии» [8. С. 67].

Данный тезис наглядно демонстрирует определенную степень диверсификации турецкой внешней политики, векторы которой теперь устремляются к развитию отношений и усилению влияния, как минимум, не только в этнически близких, тюркских государствах. Помимо этого, очевидно стремление Турции к изменению своей роли в мировой политике с государства — хранителя южных рубежей НАТО, проводящего в целом прозападный внешнеполитический курс, в сторону большей независимости с претензией на роль регионального лидера.

Идеологически свои внешнеполитические притязания Турция аргументирует отсылкой к временам Османской империи, преподносящейся в качестве эпохи подлинного величия, «золотого века».

Показателен в этой связи всплеск интереса к истории Османской империи, вхождение в моду османского стиля во всевозможных проявлениях: от возвращения к элементам османского языка в противовес тюркистскому новоязу до появления широкого ряда художественных и документальных фильмов, научно-популярных телепередач на османскую тематику. Османизм проник даже в молодежную субкультуру, появилась мода на футболки с соответствующей символикой и надписями вроде «Империя наносит ответный удар» [4]. Показательной в этом смысле является церемония похорон наследника османского престола Эртугрула Османоглу в 2009 г., получившая статус официального мероприятия, чем объясняется присутствие на ней первых лиц государства [27].

Монографию главного архитектора современной внешней политики Турции, министра иностранных дел Республики Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина», увидевшую свет в 2001 г. и с тех пор неоднократно переиздававшуюся, принято считать изложением основ теории неоосманизма.

Основным постулатом данного труда является утверждение о несбалансированности внешней политики Турции, выражающейся в крене в сторону отношений с Западной Европой и США в ущерб интересам Турции в других регионах мира, особенно на Ближнем Востоке. В этой связи, учитывая почти полное отсутствие —

начиная с 1923 г. — внимания Турции к странам, являвшимся некогда провинциями Османской империи, А. Давутоглу указывает на необходимость определения для Турции принципиально новой роли.

Таким образом, для неоосманизма характерно позиционирование Турции как региональной (а впоследствии — и глобальной) супердержавы, наследницы — как в географическом, так и в культурном смысле — Византийской и Османской империй, что сопровождается акцентированием внимания на чувстве величия и уверенности на внешнеполитической арене.

При этом наименование современной внешней политики Турции неоосманизмом также принадлежит самому Ахмету Давутоглу, заявившему в 2009 г.: «Есть наследие, которое оставила нам Османская империя. Нас называют „новыми османами“. Да, мы „новые османы“! Мы вынуждены заниматься соседними странами, и идем даже в Африку» [21].

Говоря о концепции внешней политики, предложенной А. Давутоглу в работе «Стратегическая глубина», следует остановиться на шести ее основных принципах.

Первый из них заключается в необходимости определения баланса между свободой и безопасностью, в том смысле, что обеспечение первого не следует проводить в ущерб второму, а равно и наоборот.

Иными словами, диктуется необходимость определения верного соотношения между свободой и безопасностью, что, следует отметить, весьма актуально для современной Турции.

Второй принцип предполагает включение всех региональных сил в мирный переговорный процесс, путем реализации политики «ноль проблем с соседями».

Третий принцип, вытекающий из предыдущего, диктует необходимость проведения эффективной дипломатической работы в отношении соседних стран и регионов, интенсификации сотрудничества с соседними государствами, с обеспечением безопасности, политического диалога, экономической взаимозависимости, культурной гармонии и взаимоуважения.

Четвертый принцип заключается в координации действий с основными глобальными политическими акторами.

Пятый — в эффективном использовании международных форумов и иных переговорных площадок и форматов. Приведение данного принципа в жизнь иллюстрируется нарастающим стремлением Турции к усилению своего влияния в таких организациях, как ООН, НАТО, ОИК, повышением внимания Анкары к ШОС и иным организациям и структурам. Наконец, шестой принцип представляет собой конечную цель данных действий как создание нового образа Турции [28].

Таким образом, данные принципы, воплощающие в себе суть внешнеполитической доктрины современной Турции, направлены на наиболее полное использование географического положения и историко-культурного наследия Турции, с целью обеспечения ее становления в качестве регионального лидера.

Иными словами, неоосманизм как основа внешней политики может быть охарактеризован как некая попытка возврата к прошлому с учетом современных политико-экономических реалий.

Особое место в этой связи уделяется решению проблем с соседними государствами, урегулированию конфликтов и укреплению стабильности в регионе, ввиду чего Турция претендует на роль посредника в решении данных проблем.

Это стремление Анкары, впрочем, продиктовано не только желанием решения того или иного конфликта, но и попытками обретения нового статуса доминирующей политической силы в регионе, в первую очередь — на Кавказе и Ближнем Востоке. Так, Анкара активно участвовала в налаживании отношений между Израилем, Сирией и Палестиной, пыталась выступить примиряющей силой во время конфликта в Южной Осетии в 2008 г., в 2010 и 2011 гг. прошли две трехсторонние балканские встречи в верхах с участием президентов Турции, Сербии и Боснии и Герцеговины [31].

Продолжается также историческое сотрудничество с гагаузами и крымскими татарами. Так, Турция развивает тесное экономическое и гуманитарное сотрудничество с Гагаузией, где имеется широкая сеть турецких учебных заведений, действуют программы по обучению гагаузских студентов в Турции. Через Гагаузию в 2010 г. Анкара предложила Молдавии свои услуги в качестве посредника в урегулировании приднестровского конфликта.

При этом следует отметить, что православное вероисповедание гагаузов не являлось проблемой ни для пантюркистов, мысливших в категориях этнического родства, ни для неоосманов, для которых наличие связей с православным турецким народом представляет особую важность, ярко демонстрируя надконфессиональный, цивилизационный характер всей турецкой внешней политики.

С целью решения вышеизложенных внешнеполитических задач Правительство Турции ведет активную политику по поддержанию связей со своими соотечественниками, проживающими за рубежом.

Начиная с 1970-х гг. Анкара реализует ряд проектов в культурной и образовательной сферах, финансирует строительство мечетей, открытие школ, где преподавание ведется на турецком языке.

Турция пошла навстречу своим соотечественникам, внося поправки в закон о гражданстве. Турецкий закон о гражданстве предусматривает в случае запрета двойного гражданства в принимающей стране возможность выдачи «голубой карты», позволяющей турецким мигрантам иметь равные права с гражданами Турции (ограничения касаются лишь приема на государственную службу). С 2010 г. при аппарате премьер-министра Турции работает специальное агентство по работе с турецкой диаспорой — Управление по делам турок, проживающих за рубежом, и родственных народов.

ПСР делает успехи в налаживании связей со своими соотечественниками через различные объединения и ассоциации, культурно-образовательные центры, в которых туркам предоставляется возможность выучить турецкий язык, историю Турции и основы религии.

Так, культурный центр Юнуса Эмре является частью более широкой сети культурных центров — проводников турецкой мягкой силы — и имеет представительства в таких странах, как Албания, Иран, Иордания, Бельгия, Грузия, Ве-

ликобритания, Япония, Казахстан, Северный Кипр, Косово, Ливан, Македония, Египет, Румыния, Сирия. После получения образования в указанных учреждениях выходцы из Турции осознают свою прочную связь с родиной, однако не с Турцией — наследницей принципов Ататюрка, а с новой, умеренно-исламистской республикой.

Стратегия мягкой силы проводится Турцией в тесном сотрудничестве с тарикатами — исламскими религиозными сектами, построенными по принципу пирамиды — путем создания школ и университетов, которые уже не раз закрывались в России и других странах, часто — в связи с обвинениями в пропаганде экстремизма. На самом же деле эти учебные организации — мягкая сила Турции, стремящейся к привлечению сильных кадров себе и последующему воздействию на формирование лоббистских групп, как в государственных органах, так и в крупных частных компаниях.

Наиболее влиятельными в этой сфере являются турецкая религиозная секта «Нурджулар», активность которой, в основном, распространяется на постсоветское пространство, и организация «Милли Гёрюш» («Национальный взгляд»), зарегистрированная в Германии и работающая на европейском пространстве [2].

Помимо «Милли Гёрюш» и движения Фетуллаха Гюлена, большое количество благотворительных и бизнес-организаций Турции осуществляет свою деятельность по проведению турецкой мягкой силы и упрочения связей Турции со странами Африки, Юго-Восточной Азии, Балканских государств.

Таким образом, современная внешнеполитическая концепция Турции, не отвергающая полностью, но частично интегрирующая пантюркистские принципы в доктрину неоосманизма, рассматривающего Турцию и ее роль в регионе и мире с цивилизационно-исторической точки зрения, реализующаяся, в первую очередь, путем применения мягкой силы, обладает серьезным потенциалом в смысле становления Турции как регионального лидера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В нашумевшей речи, с которой У. Черчилль выступил 19 сентября 1946 г. в Цюрихском университете, он предложил создать объединенную Европу с целью противопоставить ее Советскому Союзу и режиму, который был установлен в освобожденных советскими войсками странах Восточной Европы [50. Р. 158].
- (2) Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод является одним из самых значительных достижений Совета Европы. Подписана в Риме 4 ноября 1950 г. и вошла в силу 3 сентября 1953 г. Конвенция устанавливает неотъемлемые права и свободы для каждого и обязывает государства гарантировать эти права каждому человеку, который находится под их юрисдикцией. Главное отличие Конвенции от иных международных договоров в области прав человека — существование реально действующего механизма защиты декларируемых прав — Европейского суда по правам человека, рассматривающего индивидуальные жалобы на нарушения конвенции. Членами Конвенции являются все страны Совета Европы. Новые государства-члены обязаны подписать ее при вступлении в Совет Европы и ратифицировать в течение одного года.

18 октября 1961 г. в Риме была подписана Европейская социальная хартия — документ, дополняющий Европейскую конвенцию о защите прав человека в социальной сфере. Вступила в силу 26 февраля 1965 г. В ней излагаются 19 прав, в том числе право на забастовку и право на социальное обеспечение.

- (3) Это был период подготовки к президентским выборам, и вступление в Совет Европы рассматривалось руководством страны как международное признание правильности проводимого курса и способ определить свое место в системе постсоветских международных отношений. По мнению С. Палмера, секретаря Парламентской ассамблеи Совета Европы, это решение было инициировано частично и в интересах США, которые понимали объективную необходимость «пристроить» посткоммунистический лагерь.
- (4) «Изолированная Россия представляет собой источник угрозы европейской безопасности в целом... Отказаться принять Россию сегодня означает позволить развиваться националистическим силам, изолировать Россию — поставить под угрозу нашу общую безопасность» [59. Р. 254]. «Россия стоит на пороге в ожидании приглашения войти. Если мы не пригласим ее присоединиться к Совету Европы, выдвинув, соответственно, ряд необходимых условий, очень вероятно, что Россия направит свои усилия на укрепление позиций СНГ. Следствием этого может стать нежелание какого-либо плодотворного сотрудничества в деле мира, в рамках ЗЕС или НАТО. Такая ситуация представляет большую опасность» [58. Р. 255].
- (5) В связи с принятием новых членов была усилена деятельность в области оказания содействия странам и проведения мониторинга. Больше внимания стало уделяться тому, что происходит на местах, например, путем принятия мер по укреплению доверия или через кампании по борьбе с нетерпимостью. Появились новые приоритеты — миграция, борьба с коррупцией, право на получение гражданства, преодоление социальной отчужденности и обеспечение прав меньшинств. На смену двойному механизму по защите прав человека 1 ноября 1998 г. пришел Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ).
- (6) Например в одном из интервью Луис Мария дель Пуч, характеризуя процесс расширения Совета Европы на Восток, и, в частности, вступление РФ в организацию, проводит тонкую грань между «real politic» и ценностными основаниями Совета Европы: «У всех стран собственный путь демократии, но есть и нечто общее: ценности. Не думаете ли вы, что с расширением СЕ на восток возобладали „реал политик“ за счет некоторого размывания ценностей? — Не думаю так. Мы твердо стоим на наших принципах и ценностях. Но присутствует и „реал политик“. Когда мы открыли дверь в Совет Европы всем странам континента и когда Россия подала свою заявку, пришлось считаться с тем, что страны Восточной Европы были еще очень далеки от западноевропейских стандартов в области демократии, прав человека, власти закона. Возобладало желание как можно скорее включить эти страны в нашу организацию, потому что так можно подтолкнуть, стимулировать перемены. Иногда мои коллеги критикуют поспешность приема этих стран, прежде всего России. Но лично я считаю, что все было сделано правильно, даже если порой случаются трудности. Невозможно построить демократию за два дня. Россия не имеет в своей истории действительно демократического опыта. Но мы можем оценивать не только результаты, но и усилия, предпринятые страной. Это не значит, что мы отказываемся от принципов, но я согласен, что мы все же проводим и реальную политику. Потому что нельзя быть слепым и не видеть исторического наследия» [17].
- (7) «Объективно, членство в Совете Европы дало России много плюсов: судебная реформа, проблема неисполнения национальных судов... Совет Европы прежде всего дает импульс к пониманию проблемы... Хотя, если говорить объективно, Вступление России в Организацию было скорее имиджевым шагом», — отмечает Анатолий Карпенко, секретарь комиссии по соблюдению обязательств странами — членами Совета Европы.

- (8) Подробнее о перспективах российско-европейского диалога в контексте «мягкой силы» см.: [10].
- (9) Выражение «больной человек Азии», или «больной человек Восточной Азии», образовано от публицистического штампа «больной человек Европы» (англ. *sick man of Europe*), используемого в англоязычной традиции для обозначения европейского государства, находящегося на пике тяжелого экономического или политического кризиса. В разное время применялось к Турции, Великобритании, Италии, Ирландии, Португалии, Греции, России и ряду других государств.
- (10) Здесь цитата дана в переводе автора. Ху Цзиньтао цзай Чжунго Гуньчаньдан ди шици ци цюаньго дайбяодахуэй шан дэ баогао [35]. Далее цитируется официальный перевод на русский язык: [36].
- (11) «Пять принципов мирного сосуществования» (или «*Панча Шила*»): взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование. Таким образом, в формировании межгосударственных отношений социальный строй, идеология или ценностные представления не являются основным критерием. «Пять принципов мирного сосуществования» впервые были провозглашены в индийско-китайском соглашении о Тибете, подписанном в 1954 г. В 1982 г. они вошли в Конституцию Китая.
- (12) В официальном переводе доклада Ху Цзиньтао, опубликованном на информационном интернет-сайте XVII съезда КПК, употребляется термин «мягкая мощь». В китайском языке для перевода самого термина «мягкая сила» существует четыре варианта: *жуань шили*, *жуань лилян*, *жуань голи* и *жуань цюаньли*. Постепенно наиболее популярным и часто употребляемым термином становится «*Жуань шили*».
- (13) Попытки сделать гармонию своей «визитной карточкой» на международной арене Китай предпринимал и раньше. Так, например, в 2005 г. в преддверии 60-летнего юбилея ООН китайцы привезли в Нью-Йорк, где находится штаб-квартира организации, 600-килограммовый колокол «Гармония мира». Этот подарок был сделан из гильз артиллерийских снарядов и собранного школьниками металлолома, что «символизирует отказ от войн и стремление человечества к миру, защиту окружающей среды и жизни на Земле».
- (14) Особенно заметна активизация Китая в Африке, где он поддерживает в общей сложности 46 государств.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] XIX Ибероамериканский саммит // Лента: Политика. — 15.12.2009. URL: <http://www.rondon.org/polit-091215120442>.
- [2] Аватков В., Чулковская Е. «Мягкая сила» Турции в Германии и евразийская концепция Путина. URL: <http://www.regnum.ru/news/1535777.html>
- [3] Бауринг Б. Россия, Совет Европы и права человека // Россия и Совет Европы: перспективы взаимодействия. Сборник докладов. — М.: Институт права и публичной политики, 2001.
- [4] Бахревский Е. Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство. URL: <http://pda.regnum.ru/news/1467970.html>
- [5] Бордачев Т. Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки». — М.: Издательство «Европа», 2009.
- [6] Ван И. Хэсе шицзе: чжэньчжэн цзюйю чжунго тэсэ дэ вайцзю линиянь (Гармоничный мир: дипломатическая концепция с действительно китайской спецификой) // Шицзе чжиши. — 2008. — № 5.
- [7] Ван Цзюэ. Чжунго цзиньцзи вейсеньлунь цзици гоцзя синьсян бейлунь (Теория «китайской экономической угрозы» и образ Китая) // Гоцзи гуньча. — 2007. — № 3.

- [8] *Глазова А.В.* Внешнеполитические инициативы Турции на Южном Кавказе: успех или неудача? // Проблемы национальной стратегии. — 2011. — № 1(6).
- [9] *Давыдов Ю.* «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2007. — № 1.
- [10] *Казаринова Д.Б.* Россия и Европейский союз: культурная дипломатия и противоречия стратегического партнерства / Россия в современном диалоге цивилизаций. — М.: Культурная революция, 2008.
- [11] *Каримова Г.* Возможности применения стратегии «мягкой силы» в рамках Азиатских цивилизационных пространств. URL: <http://gulnarakarimova.com/ru/pages/nauchnie-materialy-vozmozhnosti-primeneniya-strategii-myagkoj-sily>
- [12] Концепция внешней политики Российской Федерации. — 12 июля 2008 г.
- [13] *Кузнецова С.Н.* Трудности и последствия процесса присоединения стран Центральной и Восточной Европы к Совету Европы // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей-юристов. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. — Вып. 4.
- [14] *Кутейников А.* Новое в исследовании международных организаций // Международные процессы. URL: <http://www.intertrends.ru/seventeenth/006.htm>
- [15] *Ломанов А.М.* Многополярная гегемония: согласится ли Китай править миром вместе с США // Россия в глобальной политике. — 05.10.2008. — № 5. URL: http://www.globalaffairsru/number/n_11638
- [16] *Лю Яньдун.* Совместная работа для устойчивого развития институтов Конфуция: Программная речь на V съезде Институтов Конфуция // Институт Конфуция. — 2011. — № 1.
- [17] *Минеев А.* Луис Мария де Пуч: «Мы не требуем от России быстрых перемен» // Новая газета. — 28.01.2008. — № 6.
- [18] *Мухина Е.* Нормативная сила Европейского Союза // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2008. — № 4.
- [19] *Най Дж.* Мягкая сила и европейско-американские отношения. URL: http://www.intelros.ru/2007/08/09/mjagkaja_sila_i_evropejskoamerikanskije_otnoshenija.html
- [20] Научный вестник Уральской Академии Государственной службы. — 2011.
- [21] Неосманизм — новый внешнеполитический курс Турции. URL: <http://meast.ru/news/neoosmanizm-%E2%80%94-novyj-vneshnepoliticheskij-kurs-turtsii>
- [22] *Ньюмен Э.* Кризис глобальных институтов? Многосторонний подход и международная безопасность // Международные процессы. URL: <http://www.intertrends.ru/seventeenth/006.htm>
- [23] Официальный сайт Института Сервантеса. URL: http://moscu.cervantes.es/ru/o_nas_ispanskiy.htm
- [24] Преамбула Конституции Испании. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/LAW/SPAIN.HTM#10>
- [25] Результаты I конгресса испанского языка. URL: http://www.fundacionblu.org/actaslengua/acta_conclusiones_lengua_espanola.asp?id=1
- [26] *Салин П.Б.* Пекинский пасьянс: Место России в китайской модели мира // Россия в глобальной политике. — 07.09.2010. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Pekinskii-pasyans-14960>
- [27] *Самедоглу Н.* Стратегическая глубина и образец нового порядка. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/8435>
- [28] *Стародубцев И.И.* Некоторые теоретические подходы к формированию турецкой внешней политики в Центральной Азии в монографии А. Давутоглу «Стратегическая глубина». URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/07-06-12a.htm>
- [29] *Тимофеев О.А.* Курс Китая на гармонизацию международных отношений: пре-модерн, модерн или постмодерн // Мировая политика: взгляд из будущего. Материалы V Конвента РАМИ / Под общ. ред. А.В. Торкунова. — М.: МГИМО, 2009.

- [30] *Ткаченко А.А.* Барселонский процесс: проблемы и перспективы. URL: <http://www.centroadelante.ru/home/473-anio-de-espana-en-rusia.html>
- [31] Турецкая политика неоосманства на Балканах. URL: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=14027>
- [32] *Урнов М.* Россия в XXI веке: вызовы и возможные ответы. Взгляд либерала // Урнов М., Касамара В. Современная Россия: вызовы и ответы. Сборник материалов. — М.: ФАП «Экспертиза», 2005.
- [33] *Уткин А.* Американская империя. — М.: ЭКСМО, 2003.
- [34] *Филимонов Г.* «Мягкая сила» культурной дипломатии США. — М.: РУДН, 2010.
- [35] Ху Цзиньтао цзай Чжунго Гуньчаньдан ди шици ци цюаньго дайбяодахуэй шан дэ баогао (Выступление Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК) // China Internet Information Center. — 24.10.2007. URL: http://www.china.com.cn/17da/2007-10/24/content_9119449_11.htm
- [36] *Ху Цзиньтао.* Доклад на XVII съезде КПК 15 ноября 2007 г. // China Internet Information Center, 25.10.2007. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.htm
- [37] *Ху Цзиньтао.* Неуклонно идти по пути мирного развития / Доклад на XVII съезде КПК 15 ноября 2007 г.: Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества // China Internet Information Center. — 25.10.2007. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_22.htm
- [38] *Ху Цзиньтао.* Стимулировать широкое развитие и процветание социалистической культуры / Доклад на XVII съезде КПК 15 ноября 2007 г.: Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества // China Internet Information Center. — 25.10.2007. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_16.htm
- [39] Центр испанского языка и культуры Adelante. URL: <http://www.centroadelante.ru/home/473-anio-de-espana-en-rusia.html>
- [40] *Челлани Б.* Тень Китая над Азией и политика США: четыре сценария азиатского бедующего // Россия в глобальной политике. — 20.12.2010. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ten-Kitaya-nad-Aziei-i-politika-SShA-15066>
- [41] *Чихарев А.И.* Кризис мироуправления // «Господин Кризис, как Вас теперь называть?». Кризисы и мегатренды развития. Круглый стол. — Полис: Политические исследования. — 2009. — № 3.
- [42] *Чэнь Юэ.* Чжунго вейсе лунь ю чжунго хэпин цзюэци (Теория китайской угрозы и мирное возвышение Китая) // Вайцзю Пиньлунь. — 2005. — № 3.
- [43] *Ширяев Б.А.* Дипломатия США. — СПб., 2007.
- [44] *Энтин М.Л.* Совет Европы на службе построения общих пространств в отношениях между Россией и ЕС // Московский журнал международного права. — 2006. — № 1.
- [45] *Энтин М.Л.* Международные гарантии прав человека: практика Совета Европы. — М.: Международные отношения, 1992.
- [46] *Энтин М.Л.* Соотношение обязательств, принятых Россией при вступлении в Совет Европы, и обязательств, вытекающих из членства в Организации // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 2003. — № 1.
- [47] A message from Confucius: New ways of projecting soft power // The Economist, 29.10.2009. URL: <http://www.economist.com/node/14678507>
- [48] *Buzan B.* China in International Society: Is “Peaceful Rise” Possible? // The Chinese Journal of International Politics. — 2010. — Vol. 3.
- [49] Chicago Council on Global Affairs // Soft Power in East Asia. — June 2008.
- [50] *Churchill W.* The Second World War. — Londres: Pilmico, 2002.

- [51] Closing Remarks by H.E. Mr. Rudolf Bekink, Ambassador, at the Session “Sustainability Challenge” (Netherlands’ Expo Pavilion, Shanghai, Financial Day, May 19, 2010). URL: <http://china.nlambassade.org>
- [52] Comité des Ministres. — Résolution (85) 6.
- [53] *Torres D.M.* La Imagen Exterior de Espana, Tal como Espana la ve. — Universidad Complutense de Madrid, 2010.
- [54] Déclaration de Budapest. Pour une Grande Europe sans clivages. CM(99)72 final. Strasbourg, le 11 mai 1999. URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=447493&Site=COE&BackColorInternet=DBDCF2&BackColorIntranet=FDC864&BackColorLogged=FDC864>
- [55] *Deng Yong*, China’s Struggle for Status: The Realignment of International Relations. — Cambridge University Press, 2008.
- [56] *Follath E.* Die Umarmung des Drachen // Der Spiegel. — 2010. — № 30. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-72370247.html>
- [57] *Husserl E.* La crise de l’humanité européenne et la Philosophie. — Paris, Aubier, 1987.
- [58] Intervention de Lord Finsberg (Royaume-Uni), APCE, session de 1996, Compte rendu officiel, 7e séance, jeudi, 25 janvier 1996.
- [59] Intervention de M. Masseret (France), APCE, session de 1996, Compte rendu officiel, 7e séance, jeudi, 25 janvier 1996.
- [60] *Kaplan R.D.* The Geography of Chinese Power. How Far Can Beijing Reach on Land and at Sea? // Foreign Affairs. — 2010. — Vol. 89. — № 3.
- [61] *Kessler F.* Le Conseil de l’Europe, acteur négligé // Le Monde. — 27.11.2001.
- [62] Le Conseil de l’Europe d’un coup d’oeuil. — Strasbourg: Ed. Du Conseil de l’Europe, 2005.
- [63] *Legro J.W.* What China Will Want: The Future Intentions of a Rising Power // Perspectives on Politics. — 2007. — Vol. 5. — № 3.
- [64] *Lidy Z.* “Norms over Force”, “The enigma of European Power”. — Palgrave Macmillan, 2008.
- [65] *Millot L.* Le Conseil de l’Europe passe sous la coupe de Moscou // Liberation. — 18.05.2006.
- [66] *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. — Basic Books, 1991.
- [67] *Nye J.* China’s Soft Power Deficit // The Wall Street Journal. — 08.03.2012. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702304451104577389923098678842.html>
- [68] *Nye J.* Transformational Leadership and U.S. Grand Strategy. — 2006.
- [69] *Patočka J.* L’Europe après l’Europe. — Paris: Verdier, 2007.
- [70] *Peerenboom R.* China Modernizes: Threat to the West or Model for the Rest? // Oxford: Oxford University Press, 2007. — Vol. 49.
- [71] *Petaux J.* L’Europe de la Démocratie et des droits de l’homme. L’action du Conseil de l’Europe. — Strasbourg: Ed. Du Conseil de l’Europe, 2009.
- [72] *Rivais R.* Le Conseil de l’Europe s’interroge sur son avenir en matière de supervision des droits de l’homme // Le Monde. — 17.05.2005.
- [73] *Schimmelfennig F., Engert S., Knobel H.* International Socialization in Europe: European Organizations, Political Conditionality and Democratic Change. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006.
- [74] *Segal G.* Does China matter? // Foreign Affairs. — 1999. — Vol. 78. — № 5.
- [75] Statut du Conseil de l’Europe, Londres. — 05.05.1949.
- [76] The Beijing consensus is to keep quiet // The Economist. — 06.05.2010. URL: <http://www.economist.com/node/16059990>
- [77] *Thibault C.* Le Conseil de l’Europe et ses limites. L’organisation paneuropéen en pleine crise identitaire // Hérodote. — 2005. — n°118, 3e trimestre.
- [78] *Torres D.M.* La Imagen Exterior de Espana, Tal como Espana la ve. — Universidad Complutense de Madrid, 2010.

- [79] *Waldorn A.* The Rise of China: Military and Political Implications // Review of International Studies. — 2005. — Vol. 31. — № 4.
- [80] World's Leading Superpower: Will China eventually replace the U.S. as the world's leading superpower? (Updated with polling data from 2012 Spring survey) // Pew Research Center, Pew Global Attitudes Project. URL: <http://www.pewglobal.org/database/?indicator=33&survey=13&response=Will%20eventually%20replace%20U.S.&mode=chart>
- [81] *Yu Xintian*, Harmonious World and China's Road to Peaceful Development // China International Studies. — 2007. — № 6.

SOFT POWER IN GLOBAL POLITICS
PART I. REGIONAL DIMENSION
The works of the round table

The Department of Comparative Politics
The Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

On 5 of June 2012 at the department of comparative politics of the PFUR was held the round table: «Soft power in global politics: regional and functional dimensions».

Key words: soft power, smart power, soft influence, geopolitical project, harmonic rising, Barcelona process, neosmanism, pan Turkism.